

DOI 10.35775/PSI.2024.108.8.016

УДК 32.327

Б.А. НУРОВ

соискатель кафедры демографической
и миграционной политики МГИМО, Россия, г. Москва
E-mail: nurovbehruz89@gmail.com

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В УЧАСТИИ ТАДЖИКИСТАНА В РАЗВИТИИ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

В статье рассматривается сотрудничество Таджикистана и Китая в рамках проекта «Один Пояс – Один Путь» через призму миграционной политики Таджикистана. Для Душанбе экономическое сотрудничество с Пекином оказывается важно еще и по политическим причинам. Статья демонстрирует важность укрепления таджикско-китайских связей и демонстрирует негативное влияние миграционной политики, создающей препятствия для укрепления партнерских связей и более активного участия Таджикистана в китайских проектах. Делается вывод о том, что реформирование миграционной политики и задействование рабочей силы внутри страны принесет стране гораздо больше политической и экономической прибыли, чем активная миграция в соседние страны.

Ключевые слова: Китай, Таджикистан, миграция, политика, экономика, партнерство, «Один Пояс – Один Путь».

Введение. Одним из ключевых экономических проектов в современном мире в данный момент является китайская инициатива «Один пояс – один путь», запущенная в 2013 году. Страны Центральной Азии играют в этом проекте ключевую роль, являясь важными транспортными узлами и экономическими хабами, через которые происходит движение капитала, товаров и услуг в другие уголки земного шара. Не является исключением и Таджикистан. Для страны это является возможностью влиться в мировую экономику, получить приток инвестиций и увеличение рабочих мест. Кроме того, вовлечение в такой проект дает Таджикистану дополнительные политические очки, поскольку повышает его статус в регионе и укрепляет его отношения с Китаем, а следом – с другими странами Центральной Азии.

С другой стороны, Таджикистан известен своими миграционными процессами и трудовой миграцией в Россию. Граждане страны дают существенный приток ее бюджету, отправляя на родину деньги. Это создает весьма солидный доход, но приводит к оттоку рабочей силы, которая могла бы быть задействована в реализации проектов «Пояса-Пути». В результате Таджикистан лишается тех

бонусов, которые мог бы получить при более активном вовлечении в китайский экономический проект.

Ключевой исследовательский вопрос статьи заключается в том, насколько миграционные процессы в Таджикистане влияют на его участие в проектах «Пояса Пути».

Исследование вопроса в научной литературе. Несмотря на то, что отдельные аспекты заявленной темы активно исследуются как отечественными, так и зарубежными аналитиками, и экспертами, актуальной дискуссии о том, как миграционные процессы могли бы повлиять на участие Таджикистана в реализации проектов «Пояса-Пути» на сегодняшний день не наблюдается. Впрочем, с сожалением можем констатировать, что и научная литература о состоянии и перспективах участия Таджикистана в китайском мегапроекте тоже крайне скудна. Отдельные исследования рассматривают отношения Душанбе и Пекина [1], а также их сотрудничество в рамках «Пояса-Пути» [6. С. 46-51]. Отсутствие материалов наблюдается и в зарубежной литературе, обзоры по теме являются результатом работ таджикских [16. С. 944-956], китайских исследований или организаций вроде Всемирного Банка [18].

В то же время внимание исследователей приковывает вопрос укрепления партнерских связей Пекина и Душанбе в рамках проекта «Пояса-Пути». Эксперты анализируют возможности и перспективы более активного участия Таджикистана в китайских проектах [10], фокусируясь не только на экономических, но и на политических последствиях такого сближения [12. С. 125-139]. Таким образом можно сделать вывод, что в исследовательской литературе есть понимание преимуществ и недостатков таджикско-китайского сотрудничества в сфере проекта «Пояса-Пути», но не проводится взаимосвязь между миграционной политикой Таджикистана и его участием в китайских проектах.

Участие Таджикистана в проекте «Пояс-Путь». Говоря о сотрудничестве стран Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь», необходимо подчеркнуть, что Таджикистан стал первой страной, подписавшей с Китаем «Меморандум о совместном содействии строительству экономического пояса Шелкового пути».

За все это время Китай и Таджикистан создали отлаженный механизм сотрудничества и диалога в политической, экономической, торговой и других областях, и, благодаря совместным усилиям обеих сторон, сотрудничество «Одного пояса и одного пути» постоянно, из года в год, углубляется.

Производственный потенциал Китая и инвестиционное сотрудничество в Таджикистане соответствуют стратегии развития Пекина. Китайский капитал и технологии играют все более заметную роль в социально-экономическом развитии Республики Таджикистан и незаменимую роль в обеспечении ее продовольственной безопасности, а также энергетической независимости, индустриализации и решении проблем занятости населения.

Таджикистан, одним из первых поддержавших китайскую инициативу, на протяжении последующих лет, вплоть до сегодняшнего дня, подтверждает свою приверженность идее инициативы «Один пояс-один путь».

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон в очередной раз в ходе своего визита в мае 2023 года в Китайскую Народную Республику заявил, что страна полностью поддерживает инициативу «Один пояс – один путь» Китая и является активным участником этого проекта [3].

Китай уже практически участвует во многих знаковых проектах в Таджикистане. В частности, Пекин строит здание парламента и правительственный комплекс в столице Таджикистана – Душанбе [5]. Несомненно, что все эти денежные вливания в экономику страны не могут не увеличить влияния Пекина в Таджикистане.

Конечно, существуют определенные риски от того, что Китай становится главным кредитором Таджикистана. Официально, уже около 35% внешнего долга Таджикистана приходится на КНР. И этот долг дал возможность китайской компании ТВЕА получить лицензию на добычу золота на месторождениях «Верхний Куморг» и «Восточный Дуоба» на севере Таджикистана [4]. Схема довольно проста: Китай со своей стороны потратил на строительство ТЭЦ «Душанбе-2» около 331,6 млн долл. и получил доступ на разработку золота в размере 64 тонн [2]. Долговая зависимость вынуждает страну торговать своими ресурсами.

Таджикистан изолирован от международных транспортных путей, что создает определенные преграды для развития страны. И здесь без финансовой и технической поддержки Китая не обойтись. Хотя Таджикистан берет деньги на строительство дорог и у других доноров, строительство и реконструкция оставшейся части международной дороги «Душанбе – Кульма», которая соединяет Таджикистан с Китаем, было передано Пекину [7]. Таким образом, Таджикистан может стать частью международной дороги, которая откроет доступ к ближневосточному и европейскому рынкам, кроме того, страна сможет получить выход к морю.

Китайские инвестиции в долгосрочной перспективе могут нести определенные риски, сейчас же они улучшают инфраструктуру страны и помогают развитию экономики Таджикистана. Однако какие последствия такого активного экономического сотрудничества могут иметь на политический климат? Прежде всего, это укрепление партнерства в сфере безопасности, поскольку Пекину важно защищать свои торговые маршруты от внешних угроз. Соответственно, Китай работает над укреплением безопасности Таджикистана и увеличивает свое военное присутствие в стране для противостояния угрозам, в первую очередь со стороны Афганистана [17]. Кроме того, такое сближение создает дополнительные рычаги влияния для Китая на политические процессы внутри Таджикистана и позволяет направлять возможные политические реформы, которые могут обеспечить в первую очередь экономическую выгоду для Китая [13. С. 834-839]. Последнее создает тревогу среди некоторых специалистов, поскольку провоцирует риски чрезмерного контроля со стороны Китая в случае пассивной

позиции Таджикистана [11]. Последний, впрочем, стремится соблюдать баланс [19], однако экономические предпочтения не позволяют слишком отдаляться от Пекина.

Влияние миграционных процессов на участие Таджикистана в проектах «Пояса-Пути». Как проект «Один пояс – Один путь» может повлиять на миграцию? Могут ли измениться интенсивность и направление миграции из стран Центральной Азии? Появятся ли новые политические связи и зависимости вокруг миграции или они останутся прежними? Конечно, поскольку проект «Один пояс – Один путь» все еще находится в стадии развития и расширения, этот вопрос является довольно гипотетическим, и ответ может быть только умозрительным, но исходя из того, какие процессы разворачиваются на фоне укрепления сотрудничества в рамках «Пояса-Пути», можно сделать определенные выводы.

Похоже, что планы проекта «Один пояс – Один путь» продолжают устоявшуюся тенденцию миграции из Центральной Азии в Россию, даже усиливая факторы, определяющие эту тенденцию. Предварительный вывод заключается в том, что благодаря развертыванию новой транспортной и логической инфраструктуры в рамках планов проекта «Один пояс – Один путь» мы можем ожидать создания дополнительных рынков труда в строительстве и смежных секторах экономики, где трудоустраиваются мигранты. Более того, основными рынками сбыта будут те, где расстояния больше, а интенсивность инфраструктуры выше, и где конечный потребитель ближе и богаче, то есть в России и Казахстане. Эти обновленные инфраструктуры сами по себе создадут новые технические возможности для увеличения скорости, пропускной способности и интенсивности товарных и человеческих потоков, что также должно способствовать росту миграции. Кроме того, одним из последствий может стать дополнительное давление на рынки труда в самой Центральной Азии со стороны китайской рабочей силы, которая обычно задействована в инфраструктурных проектах, финансируемых Китаем. Таким образом, проект «Пояса-Пути», вероятно, создаст дополнительные эффекты вытеснения рабочей силы из Центральной Азии в Россию и Казахстан.

Многочисленные недавние исследования подчеркивают растущее давление на рынок труда в Таджикистане. Это давление лишь частично ослабляется поглощением избыточной рабочей силы из Таджикистана Российской Федерацией посредством трудовой миграции и упрощенных форм получения российского гражданства. Такая ситуация является результатом продолжающегося быстрого роста предложения рабочей силы (связанного с высоким уровнем рождаемости в Таджикистане и соответствующим ростом населения) и отсутствия достаточного количества рабочих мест в стране. При сохранении высоких темпов роста примерно на 2 процента в год население Таджикистана, по прогнозам, достигнет 11,5 миллиона человек к 2030 году [15].

Это приводит к быстрому росту численности рабочей силы. Учитывая ограниченные возможности правительства Таджикистана по созданию рабочих мест

в стране, внешняя трудовая миграция останется важным предохранительным клапаном для таджиков, ищущих работу, в ближайшей и среднесрочной перспективе. Ожидается, что инвестиции в целом будут способствовать созданию рабочих мест; однако инвестиции из Китая, как правило, не оказывают существенного влияния на занятость или создание рабочих мест. Это было особенно актуально в первые годы реализации проектов, финансируемых Китаем, поскольку Китай часто настаивал на использовании собственной рабочей силы – даже для выполнения работ, которые легко можно было бы найти на месте, китайских рабочих привозят в Таджикистан. Начиная с 2018 года, по настоянию правительства Таджикистана, все межправительственные соглашения о совместных проектах включают пункт о следующей доле рабочей силы, которая будет использоваться в проекте: 90% – граждане Таджикистана, 10% – граждане Китая [8]. По данным миграционной службы Министерства труда, миграции и занятости Таджикистана, на 2022 год установлена квота на привлечение в Таджикистан 7500 иностранных трудовых мигрантов, из которых 4900 мест предназначены для граждан КНР; фактически, по состоянию на июль 2022 года гражданам КНР было официально выдано только 1468 разрешений на работу. Китайские работники, как правило, говорят только по-китайски, что создает трудности на рабочем месте. Им также нелегко адаптироваться или интегрироваться в местное общество. Это привело к росту представлений среди населения Таджикистана о том, что китайская практика трудоустройства может ограничить возможности трудоустройства таджикских работников, а также потенциально способствовать снижению качества жизни и росту социальной напряженности и уровня преступности. Общественное восприятие Китая и китайских трудовых мигрантов остается одной из важных, но недостаточно изученных областей, которые необходимо решить до реализации проектов, связанных с инициативой «Один пояс – Один путь». Проблема осложняется отсутствием доступа к последовательным и всеобъемлющим статистическим данным об уровне китайской миграции [8].

Временная занятость, которую таджикские рабочие могли бы получить в рамках проектов «Пояса-Пути», также была приостановлена китайскими фирмами. Государственные предприятия, ответственные за строительство, в основном нанимают китайских рабочих, поскольку в Таджикистане отсутствуют какие-либо законы, требующие от иностранных фирм нанимать домашнюю прислугу. По состоянию на 2014 год в стране работало более 82 000 китайских рабочих, и большинству из них платят намного больше, чем таджикским рабочим. Таджикский социолог Рустам Хайдаров считает, что это небольшая часть «стратегии Китая по переселению своих людей в разные страны». Из-за отсутствия залога таджикские чиновники проявляют снисходительность при проведении политики в отношении Китая из-за огромного долга. Условия труда и жизни и без того скудные; с добавлением трудовых мигрантов из Китая гражданские лица Таджикистана сталкиваются с еще большей нехваткой рабочих мест и вынуждены искать работу за границей. Несмотря на то, что Таджикистан хочет свести к минимуму свою зависимость от денежных переводов, он косвенно

продолжает полагаться на иностранный рынок труда, а не на улучшение условий внутреннего рынка [14].

Подобные хитросплетения в миграционной политике Таджикистана могут отрицательно сказаться не только на его экономике, но и на отношениях с Китаем. Пекин видит Центральную Азию как ключевой транспортный и экономический хаб для своего глобального проекта, который обеспечит выход на европейские рынки при должном развитии инфраструктуры и грамотных инвестициях. Ключевым получателем таких инвестиций в регионе на сегодняшний день является как раз Таджикистан [9]. Логично предположить, что в ответ Китай ожидает от Таджикистана помощи в реализации своих проектов и геополитических амбиций. Недостаток рабочей силы из-за активной миграции в Россию и соседние страны региона заставят Пекин искать другие опции среди государств Центральной Азии [20], оставляя Душанбе в стороне и препятствуя активной политической интеграции и выстраиванию собственного положительного имиджа. Напротив, грамотно выстроенная миграционная политика, которая позволяет и отвечать спросу на рабочую силу внутри Таджикистана, и интегрировать китайских рабочих, приезжающих в страну, и одновременно соблюдающая баланс в отношениях Душанбе с Москвой поможет Таджикистану не просто остаться в числе ключевых игроков «Пояса-Пути», но и укрепить свои позиции в регионе.

Закключение. Таким образом, можно сказать, что для Таджикистана регулирование миграционных процессов и задействование собственных граждан в проектах «Пояса-Пути» на территории страны было бы более экономически выгодным и эффективным, так как способствовало бы развитию внутреннего рынка. К сожалению, это сопряжено со сложностями, которые создает в том числе Китай, откуда в Таджикистан к тому же прибывают трудовые мигранты. Однако Душанбе работает в направлении урегулирования вопроса миграционных квот, а развитие собственной инфраструктуры и создание рабочих мест для своих граждан позволило бы Таджикистану избавиться от оттока человеческого капитала и прекратить зависимость от денег, которые мигранты посылают домой. Это существенно оздоровило бы экономику страны. Кроме того, такие реформы положительно сказались бы и на политическом климате региона, продемонстрировав готовность Душанбе играть активную роль в построении собственного будущего, развитии партнерства с ключевыми геополитическими игроками и занимать более активную позицию в интеграции в политические и экономические процессы в Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абдулло Р. Таджикистан – Китай: четверть века прямых отношений // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 3-4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tadzhikistan-kitay-chetvert-veka-priamyh-otnosheniy>.

2. Дающая тепло и свет. 5 лет назад заработала ТЭЦ «Душанбе-2» // Asia-Plus // <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20211208/dayutshaya-teplo-i-svet-5-let-nazad-zarabotala-tets-dushanbe-2>.
3. «Золотой путь» // ИА «Авеста» // <https://avesta.tj/2023/10/17/odin-poyas-odin-put-10-let-na-puti-sovmestnogo-razvitiya/>.
4. Китайская компания ТБЕА продолжает разработку золоторудного месторождения «Верхний Кумарг» // ИА «Авеста» // <https://avesta.tj/2021/07/19/kitajskaya-kompaniya-tbea-prodolzhaet-razrabotku-zolotorudnogo-mestorozhdeniya-verhnij-kumarg/>.
5. Когда в Душанбе построят правительственный комплекс: ответ Комархитектуры // Sputnik Таджикистан // <https://tj.sputniknews.ru/20230802/dushanbe-stroitelstvo-pravitelstvo-kompleks-1058596835.html>.
6. **Малевич Ю.** Осуществление инициативы ОПОП в Таджикистане: особенности и результаты // Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве: материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед., Минск, 20 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.Н. Лешенюк (гл. ред.), А.М. Байчоров, А.В. Русакович. Минск: БГУ, 2022.
7. Тоҷикистон ва Чин масъалаи анҷоми сохтмони қисмати боқимондаи роҳи «Душанбе – Қулма» ро баррасӣ намуданд // Вазорати нақлиёти Ҷумҳурии Тоҷикистон // <https://mintrans.tj/news-page/details/342>.
8. **Aminjonov R., Kholmatov M.** The BRI in Central Asia: A View from Tajikistan // Analytical Center «Navo» // <https://www.emergingmarketsforum.org/wp-content/uploads/2023/03/The-BRI-in-Central-Asia-A-View-from-Tajikistan.pdf>.
9. China-Tajikistan: Bilateral Investment and Trade Ties // China Briefing // <https://www.china-briefing.com/news/china-tajikistan-bilateral-investment-and-trade-ties/>.
10. **Hedlund S.** Tajikistan: A litmus test for China in Central Asia // Geopolitical Intelligence Services // <https://www.gisreportsonline.com/r/china-central-asia-tajikistan/>.
11. **Hong Y.** China's BRI carrots for Central Asia come with potential pitfalls // Think China // <https://www.thinkchina.sg/chinas-bri-carrots-central-asia-come-potential-pitfalls>.
12. **Jagmeet Bawa & Ashish.** China's grand strategy for Tajikistan: challenges and threats // Asian Journal of Political Science. 2023. № 31 (2).
13. **Karrar H.H. & Mostowlansky T.** The Belt and Road as political technology: Power and economy in Pakistan and Tajikistan // Environment and Planning C: Politics and Space. 2020. № 38 (5).
14. **Khuseynov S., Changani S.** The Economic Implications of the Belt and Road Initiative through Case Studies of Tajikistan and Italy // Denison University // <https://digitalcommons.denison.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1084&context=studentscholarship>.

15. **Laruelle M.** China's Belt and Road Initiative and its impact in Central Asia. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018.
16. **Rashid Dr.M.I., Iqbal M. & Nawab M.W.** Belt and Road projects in Tajikistan: Opportunities to strengthen the ties between Pakistan and Tajikistan // Asian Journal of Comparative Politics. 2022. № 7 (4).
17. **Schulz D.** China-Tajikistan Bilateral Relations // Caspian Policy Center // <https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/china-tajikistan-bilateral-relations>.
18. South Caucasus and Central Asia: The Belt & Road Initiative. Tajikistan Country Case Study // World Bank // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/938531593500864017/pdf/South-Caucasus-and-Central-Asia-The-Belt-and-Road-Initiative-Tajikistan-Country-Case-Study.pdf>.
19. Tajik president does not attend the Belt and Road forum in Beijing // Asia Plus // <https://asiaplus.tj.info/en/news/tajikistan/politics/20231017/tajik-president-does-not-attend-the-belt-and-road-forum-in-beijing>.
20. **Yin H.** China, Central Asian countries to remain pioneers in Belt and Road cooperation // People's Daily Online // <http://en.people.cn/n3/2023/0517/c90000-20019526.html>.

B.A. NUROV

Applicant, Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO,
Moscow, Russia

MIGRATION FACTOR IN TAJIKISTAN'S PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF THE CHINESE BELT AND ROAD PROJECT

This article examines the cooperation between China and Tajikistan, considering different variables, including the participation of Dushanbe in Belt and Road Initiative as well as the migration factor. The article analyses how Tajikistan can profit from Belt and Road initiatives, stating that the profits are both economical and political. China can provide security for Tajikistan and also give stimulus for domestic reforms, though it can be seen as the violation of the Tajik sovereignty. The article dives into the issue of migration, revealing that much of the workforce goes to the neighboring Russia and Kazakhstan, making it harder for Tajikistan to develop the Chinese projects, as it lacks proper amount of the workforce. Thus the article concludes that it is better for Tajikistan to reform its migration system and curb the migration flows, focusing instead on developing the Belt and Road Initiative projects and strengthening its positions in the region, both politically and economically.

Key words: Tajikistan, China, politics, economics, migration, Belt and Road Initiative, cooperation.